

УДК 1(091)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ А. Ф. ЛОСЕВА И Э. КАССИРЕРА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

С. А. СТАСЬКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определены методологические основания языковых теорий А. Ф. Лосева и Э. Кассирера. Доказано, что языковые теории А. Ф. Лосева и Э. Кассирера играют важную роль в философских учениях. Выявлены основные сходства и различия подходов А. Ф. Лосева и Э. Кассирера к языку. Сделан вывод о том, что для возникновения и функционирования языкового символа необходима развитая как в синтаксическом, так и в семантическом аспекте языковая среда.

Ключевые слова: язык; символ; анализ языка; символическая форма; имя.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE THEORY OF LANGUAGE IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE BY A. F. LOSEV AND E. CASSIRER: A COMPARATIVE ANALYSIS

S. A. STASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The methodological foundations of A. F. Losev's and E. Cassirer's linguistic theories are determined. It is proved that the linguistic theories of A. F. Losev and E. Cassirer play an important role in philosophical teachings. A. F. Losev's and E. Cassirer's linguistic theories play an important role in philosophical doctrines. The main similarities and differences of A. F. Losev's and E. Cassirer's approaches to language are revealed. The conclusion is made that for the emergence and functioning of a linguistic symbol a linguistic environment developed both in syntactic and semantic aspects is necessary.

Keywords: language; symbol; language analysis; symbolic form; name.

Введение

Невзирая на определенное различие между теориями символа А. Ф. Лосева и Э. Кассирера, они имеют много общего, и само понятие символа в его функциональном (логическом) смысле мыслители определяют сходным образом. И для А. Ф. Лосева, и для Э. Кассирера символизм выступает в том

числе функцией человеческого разума, позволяющей формировать единый образ мира на основании чувственных данных и существующих в рамках культуры понятий. Символизм в указанном логическом аспекте проявляет себя в совершенно различных областях человеческой деятельности: в области

Образец цитирования:

Стаськевич СА. Концептуальные основания теории языка в философии культуры А. Ф. Лосева и Э. Кассирера: компаративный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;2:8–12.
EDN: HWMWCD

For citation:

Staskevich SA. Conceptual foundations of the theory of language in the philosophy of culture by A. F. Losev and E. Cassirer: a comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;2:8–12. Russian.
EDN: HWMWCD

Автор:

Сергей Александрович Стаськевич – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И. Н. Колядко.

Author:

Siarhei A. Staskevich, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
6734061@mail.ru

эстетики, науки, философии, религии и др. Однако все эти духовные сферы объединяет то, что их носителем и фундаментом служит язык в качественно разных его формах. И хотя строгий терминологический язык науки существенно отличается от образного языка эстетики, они имеют общие исторические корни, культурный контекст и отчасти принципы функционирования. Последнее обусловлено тем, что развитие языка и человеческого мышле-

ния шло параллельно, и их взаимовлияние породило адекватные друг другу мыслительные и языковые формы. В силу этого историческое развитие языка особенно интересовало философов, разрабатывавших символическую теорию. Среди них, разумеется, были А. Ф. Лосев и Э. Кассирер. Подходам этих двух философов к интерпретации языкового фундамента символизма и будет посвящена данная статья.

Методологические основания анализа языка для философии символа

Любой язык представляет собой систему социально-культурных кодов, с помощью которых фиксируется и хранится социально-исторический опыт, накопленный людьми в разных сферах их жизни и деятельности. Язык является связующим звеном человека и мира, дающим субъекту определенную систему отношений не только к природе и обществу, но и к самому себе. В семиотике – науке, изучающей знаки и знаковые системы, а также их роль в информационных и коммуникационных процессах, – выделяются синтаксический, семантический и прагматический аспекты языка. В рамках синтаксического аспекта язык рассматривается как некоторая система знаков, изменяющихся по определенным правилам и образующих языковую систему. В свою очередь, семантический аспект характеризует смысловое содержание языковых выражений, образующих непосредственный смысл терминов и высказываний языка. Прагматический аспект предполагает рассмотрение языковых выражений в отношении практической деятельности и специфики общения, характерных для определенной исторической эпохи. Все три измерения языка образуют единое смысловое пространство символа.

Охарактеризуем общие предпосылки возникновения и существования символа в теориях А. Ф. Лосева и Э. Кассирера. Первый мыслитель применял онтологический подход, согласно которому основанием символа выступает вещь как носитель некоего божественного смысла (идеи), через который только сама вещь и может существовать. Для Э. Кассирера важным представляется функциональный подход, который раскрывается в его теории познания и философии культуры.

Но и символ как функция, и символ как суть нуждаются в выражении средствами развитого языка. Причем более простые типы знаков (индексальные или иконические) вполне могут выражаться с помощью синтаксиса. А символ для своего появления нуждается в весьма развитой семантике. Данное обстоятельство связано с тем, что символ как особый тип знака предполагает объединение разнородных на первый взгляд свойств и вещей культуры, в рамках одного абстрактного понятия. Абстрактность такого понятия не позволяет ему выражать столь обширный комплекс смыслов сугубо за счет своего положения в предложении, фонетических или морфологических особенностей. Ассоциативных связей здесь тоже будет недостаточно. Необходимо образование сложных семантических связей в самом языке, в рамках которых могли бы транслироваться и усваиваться тончайшие оттенки смысла. Подобный механизм характерен для развитых языков зрелых культур.

Однако именно сравнение современных языков с древними или существующими и по сей день в рамках узкой этнической группы позволяет проследить едва заметные на первый взгляд исторические изменения в человеческом мышлении. Подобные сведения вполне можно получить и путем анализа развитого современного языка, в котором всегда сохраняются некоторые следы иных мыслительных подходов и способов употребления слов. Подобным анализом занимались как А. Ф. Лосев, так и Э. Кассирер. В области, где философия непосредственно связана с лингвистикой как наукой, разница между их теориями символа фактически стирается, уступая место своеобразным подходам и наблюдениям, вполне дополняющим друг друга.

Роль анализа языка в философских учениях А. Ф. Лосева и Э. Кассирера

Если обратить внимание на теории А. Ф. Лосева и Э. Кассирера в целом, то нельзя не отметить, что язык в них имеет разный статус. Для Э. Кассирера язык является одной из символических форм, развивающихся наравне с остальными формами и в тесной взаимосвязи с ними. Для А. Ф. Лосева

язык представляет собой отдельную, важную область бытия наряду с мышлением и действительностью. Однако эта разница не упраздняет присущее обоим подходам понимание жизненного динамизма языковой среды и ее тесной взаимосвязи с развитием когнитивных способностей человека.

В учении Э. Кассирера язык выполняет особую функцию, потому что в основе формообразования других символических форм (искусство, наука и др.) лежит уже осуществленное языковое формообразование [1, с. 160]. Впрочем, это совсем не значит, что язык всегда предшествует другим формам и определяет их развитие. Совершенствование языка на практике идет параллельно с человеческим мышлением и осмыслением действительности – следовательно, ни язык, ни, например, миф не предшествовали друг другу, а развивались параллельно. В то же время язык пронизывает собой все достижения духовной культуры и, как выразитель человеческого разумного мышления, занимает в системе немецкого философа особое место.

Согласно Э. Кассиреру, в человеческом языке так же, как и в мышлении, преодолевается хаос чувственных впечатлений, уступая место представлению и созерцанию (которое, сохраняя кантианскую суть, приобретает символический характер). Посредством языка как системы знаков человек начинает творить смыслы, фактически формируя образ мира [1, с. 164]. Разумеется, развитие мышления и символических форм ведет к разветвлению языка, таким образом появляются языки мифа, естественной науки и др. Но начинается этот процесс согласно Э. Кассиреру с объективации и абстрактного выражения человеческого тела, именование которого и дает первоначальное развитие основополагающим понятиям языка [1, с. 166].

Для Э. Кассирера основополагающими абстрактными понятиями языка выступают среди прочих понятия числа, времени и пространства. В ходе весьма обстоятельного исследования языков древних народов философ пришел к выводу о том, что все эти понятия в их современной разработанной и тщательно отрефлексированной форме являются не природной данностью языка и ума, а их огромным достоянием, результатом долгого духовного развития людей определенных культур. Так, например, Э. Кассирер ссылается на исследования, согласно которым в ряде языков отсутствует понятие числа как абстрактного количества, а у носителей этих языков не развита способность к счету, который выходил бы за рамки мысленной привязки конкретного предмета к частям человеческого тела [2, с. 160–162]. Иными словами, возникновение языка и мышления связано с качествами чувственно-материальных вещей. В том, чтобы выйти за их пределы, состоит огромное достижение человеческого разума, и этот процесс не был осуществлен одномоментно, а занял длительный исторический отрезок и включил множество промежуточных этапов.

То же самое можно отметить и в осмыслении времени, которое рядом народов воспринимается не трехчастным, со множеством промежуточных состояний, а разделенным согласно положению «сей-

час – не сейчас» [2, с. 150–151]. При этом стоит отметить, что, например, племена охотников имеют весьма детальное представление о природных циклах, и данный факт отчасти является залогом их выживания. Но ни время, ни число, ни пространство не освоены этими племенами в той степени абстракции, когда эти понятия становятся оторванными от качеств окружающей среды и образуют преимущественно духовный, универсальный в своем применении к явлениям и вещам символ. Учитывая, что именно данные понятия являются для Э. Кассирера «основными созерцаниями» в кантовском смысле, которые создают условия для синтеза феноменов в единое понятие мира, можно предположить, что мир в его конструктивном понимании выступает едва ли не всецелым достоянием языка [2, с. 157]. Достоянием языка, равно как и достоянием мышления, можно считать и символ.

Обращаясь к анализу языка, А. Ф. Лосев так же, как и Э. Кассирер, попытался не только утвердить и упрочить идею связи исторической динамики языка и мышления, но и проследить основные вехи этой динамики как в грамматическом, так и в семантическом аспектах языка. По мнению философа, грамматика и лексика позволяли приспособлять язык к нуждам меняющегося человеческого мышления там, где это было наиболее уместно. Например, согласно А. Ф. Лосеву так называемая полная инкорпорация в языке (добавление к глагольной основе другого, связанного с ней слова, в результате чего происходит образование сложного слова, называемого инкорпоративным комплексом) позволила выразить зародившуюся в мышлении субъектность. В свою очередь, конкретизация подлежащего и сказуемого, а также увеличение их выразительного по отношению к свойствам и качествам потенциала, связаны с постепенным разложением древнего тотемизма и фетишизма [3, с. 282]. Такого рода анализ языка, в связи с типом мышления общества на определенном этапе его развития, А. Ф. Лосев пытался осуществлять и в дальнейшем. Разнородный исторический материал дает необъятный простор для подобных исследований.

Так как одним из основополагающих для А. Ф. Лосева было понимание мифа как бытия, которое человек непосредственно переживает в символе (в индивидуальной действительности, созданной при помощи символа), согласно логике мыслителя более полное представление о языке в его тесной взаимосвязи с мышлением можно получить при анализе не только их самих, но и мифа, в котором язык и мышление получают конкретно-чувственное оформление и выражение. Подобное выражение происходит в культуре, которая была предметом пристального интереса и русского, и немецкого философов. Эта позиция сближает подходы А. Ф. Лосева и Э. Кассирера, поскольку последний тоже выступал за комплексность

в изучении духовных феноменов: «Философия символических форм занята не исключительно и даже не в первую очередь чисто научными, точными способами понятийного постижения мира, но всеми направлениями миропонимания» [4, с. 20]. Иное понимание мифа у немецкого философа здесь не должно вводить в заблуждение, ибо то, что А. Ф. Лосев определяет как миф, для Э. Кассирера является жизнью (в индивидуальном образе мира). Это разделение имеет скорее терминологический характер, не влияющий на суть подходов и методов.

Действительно сближает А. Ф. Лосева и Э. Кассирера признание мифичности естественного языка, т. е. слова как носителя особого, сакрального смысла [1, с. 171]. Причем для Э. Кассирера эта сакральность (склонность человека отождествлять слово, образ и суть предмета в их единстве со смыслом иного, высшего порядка) не является поводом для создания религиозной философии. Признавая в слове естественного языка мифический элемент, философ лишь стремится, исходя из этого факта, определить принципы, на которых зиждется понимание мира говорящим: «Язык улавливается не как абстрактная форма мышления, но он должен пониматься как конкретная жизненная форма» [4, с. 49]. А. Ф. Лосев, как философ с религиозным уклоном, признает подобный подход к языковому выражению наиболее адекватным как человеку, так и самому бытию. Русский мыслитель распространяет выводы о мифичности языка не только на естественный, стихийно возникший язык, но и на искусственные языки, в том числе на язык современной науки.

Иными словами, оба философа признают необходимым отождествление имени и сущности вещи, но Э. Кассирер считает это частным случаем, характерным для естественного языка и мифа как своеобразных символических форм: «Миф еще не знает того раскола между “реальным” и “ирреальным”, между “действительностью” и “видимостью”, который осуществляется чисто теоретической объективацией и который ей по необходимости приходится осуществлять» [4, с. 62]. В свою очередь, А. Ф. Лосев придает необходимости подобного отождествления вид всеобщего правила, где каждая языковая активность, вне зависимости от области культуры, приобретает характерные для мифа черты.

Таким образом, та же разница, что ранее была выявлена в отношении знака, сохраняется и в отношении слова. Для А. Ф. Лосева язык имеет религиозно-философский статус, а слово обладает не просто множеством значений в контексте языка, позволяя при этом мышлению осуществить ту или иную смысловую операцию, но и религиозной функцией связи человеческого и божественного. Все остальные статусы языка по отношению к этому в творчестве русского философа вторичны [5, с. 301]. Вторичным остается и тот сугубо функциональный гносеологи-

ческий, феноменологический статус, который придает языку Э. Кассирер.

Подобные различия в теориях исследователей объясняются тем, что А. Ф. Лосев по праву может считаться продолжателем византийской философско-богословской традиции, корни которой восходят к неоплатонизму. Позже систему религиозного философствования, в рамках которой Бог действует через энергии, воплощенные в имени, назовут имяславием [5, с. 301]. Это направление было весьма популярно в те времена, когда начинал творить А. Ф. Лосев. Ключевую онтологическую идею имяславия мыслитель пронес через всю свою жизнь. Совсем иные философские ориентации имел Э. Кассирер – представитель марбургской школы неокантианства. Как последователя кантианской философии его интересовали в первую очередь когнитивные способности человека, которые исследователь рассматривал в контексте понятия культуры. Неудобную для кантианства тему мира вещей немецкий философ по возможности старался игнорировать, не постулируя ни кантианских вещей в себе, ни положений, согласно которым слово соответствовало бы сути вещей. Напротив, для Э. Кассирера верным показателем развития культуры является движение от использования чувственного восприятия к чистому (абстрактному) знаку [6, с. 53–54]. Сама вещь, по отношению к которой употребляется знак, формируется в духе, а ее объективные свойства выступают преимущественно духовным образованием.

С вышеупомянутой разницей связано и еще одно отличие в подходах к анализу языка у А. Ф. Лосева и Э. Кассирера, причем во многом это отличие методологического плана. Для Э. Кассирера язык и его динамика важны скорее в феноменологическом аспекте, значит и развитие языка у философа зачастую рассматривается в отрыве от реальных материальных условий и нужд исторической эпохи. Развитие языка для Э. Кассирера, как и развитие культуры, происходит преимущественно в духовной сфере, поэтому исследователь в своем труде «Философия символических форм» ограничился кантианской умозрительностью, лишь выборочно подкрепляя выводы разума конкретными эмпирическими данными лингвистики, истории и антропологии [1, с. 160].

Более последовательно использовал метод историзма А. Ф. Лосев, для которого материальные условия развития культуры всегда прямо или косвенно влияли в том числе и на язык [7, с. 3–4]. В трудах русского философа встречается не только трактовка синтаксического и семантического аспектов языка в их связи с изменением мышления, но и дополнение вышесказанного материальным обоснованием, в основе которого лежат факты истории и быта. Интеллектуальная и идеологическая среда, в рамках которой большую часть жизни творил А. Ф. Лосев, весьма располагала к использованию подобного подхода.

Заключение

А. Ф. Лосев и Э. Кассирер предложили тщательно разработанные теории языка, в рамках которых стало возможным обращение к основному предмету интереса философов – символу. Символ и для А. Ф. Лосева, и для Э. Кассирера является феноменом, образующимся на стыке языка, мышления и действительности, и имеет как организационную, логическую, формообразующую, так и выразительную, смыслообразующую функции, которые на практике тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

Язык, в особенности его семантический аспект, развиваясь, предлагает мышлению новые формы абстрактного выражения, потому анализ языка может многое дать для понимания генезиса человеческого мышления, равно как и наоборот. Таким образом, лингвистика и философская гносеология в равной степени необходимы для понимания происхождения символических форм в человеческом сознании. Оба философа признавали в языке элемент творческой активности, чувственной спонтанности и произвольности, что является важным условием существования символа. Безусловно, А. Ф. Лосев и Э. Кассирер делали большой упор на динамизме развития языка и его фундаментальном значении для формирования всей человеческой культуры, а также погруженного в нее индивидуального бытия. Указанные аспекты сближают языковые теории А. Ф. Лосева и Э. Кассирера в культуроведческом, лингвистическом и гносеологическом аспектах.

Следовательно, методологическими основаниями анализа языка для философии символа являются следующие положения:

1) символизм пронизывает человеческую культуру в целом, однако наибольшую силу и изощренность в обобщении и выражении символ обретает в языке;

2) для анализа символа в контексте языка необходимо четко разделять его прагматический, синтаксический и семантический аспекты. Анализ всех

трех аспектов важен и необходим для анализа символа, но особенную познавательную ценность представляет семантика;

3) язык развивается и приобретает спецификации в рамках символических форм культуры (языка науки, эстетики, мифа и др.), что делает его прекрасным плацдармом для выявления различных аспектов символизма;

4) в языке сохраняются следы форм мышления и паттернов поведения, смысловых образований, характерных для разных исторических эпох, поэтому анализ языка предоставляет теории символа многообразные и ценные исторические сведения относительно генезиса символических форм культуры.

Стоит заметить, что в языковых теориях А. Ф. Лосева и Э. Кассирера есть существенные различия. Символ для А. Ф. Лосева является посредником между человеком и Богом, местом соприкосновения смысла и идеи. Символизм для русского философа – это процесс богопознания и миропознания на доступном человеку уровне. И именно в таком статусе символ обретает свою настоящую ценность, по отношению к которой все его прочие аспекты становятся вторичными. Если в плане синтаксиса философ соблюдает научную строгость, то семантика языка становится для А. Ф. Лосева сферой онтологии (имя – выразитель божественной сути вещи), в то время как Э. Кассирер строго и последовательно следует неокантианской, абстрагированной от вопросов об онтологическом статусе вещей теории познания. Aksioma имяславия «имя бога есть Бог, но Бог не есть имя» подспудно подразумевается и сохраняется во всех теоретических изысканиях русского философа, что выводит между разработанной им теорией и теорией Э. Кассирера непреодолимый в мировоззренческом аспекте барьер, который впрочем не мешает специалистам в области языка и мышления активно использовать достижения двух выдающихся мыслителей своего времени.

Библиографические ссылки

1. Стрельник ОН. Э. Кассирер о связи мифа и языка. *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2004;1:157–175.
2. Кассирер Э. *Философия символических форм. Том 1, Язык*. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга; 2002. 270 с.
3. Лосев АФ. *Знак. Символ. Миф*. Москва: Московский университет; 1982. 453 с.
4. Кассирер Э. *Философия символических форм. Том 3, Феноменология познания*. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга; 2002. 397 с.
5. Соваков БН. О языковой концепции А. Ф. Лосева. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2013;16:300–304.
6. Каримова СМ. Философия Э. Кассирера в исследовании вещного мира традиционных культур. *Вестник Томского государственного университета*. 2010;340:53–56.
7. Лосев АФ. *Античная мифология в ее историческом развитии*. Москва: Министерство просвещения РСФСР; 1957. 617 с.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2025.
Received by editorial board 29.01.2025.